

Д.В. КАМИЛОВА
А.А. СЕЛИМОВ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются общественный и парламентский контроль как взаимосвязанные элементы системы противодействия коррупции в Российской Федерации. Исходя из положений Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», законов от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле» и от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля», а также опираясь на работы отечественных исследователей, анализируются правовая природа, функции и формы указанных видов контроля. Обосновывается, что в действующей модели антикоррупционной политики общественный и парламентский контроль развиваются преимущественно параллельно, что ведет к фрагментарности и формализации их участия в противодействии коррупции. Предлагается концепция функционально единой системы общественно-парламентского контроля, основанной на координации субъектов контроля, нормативной согласованности их компетенции и институционализированном участии институтов гражданского общества в процедурах парламентского контроля. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на усиление реального антикоррупционного потенциала общественного и парламентского контроля.
Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, общественный контроль, парламентский контроль, гражданское общество, парламентское расследование, антикоррупционная политика.

PUBLIC AND PARLIAMENTARY CONTROL IN THE ANTI-CORRUPTION SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article considers public and parliamentary control as interrelated elements of the anti-corruption system in the Russian Federation. Based on the provisions of Federal Law No. 273-FZ dated December 25, 2008 «On Combating Corruption», the laws «On Parliamentary Control» and «On the Basics of Public Control», as well as based on the work of domestic researchers, the legal nature, functions and forms of these types

КАМИЛОВА Джума Валиевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала

СЕЛИМОВ Амир Агамуратович — магистрант Юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала

of control are analyzed. It is proved that in the current model of anti-corruption policy, public and parliamentary control develop mainly in parallel, which leads to fragmentation and formalization of their participation in the fight against corruption. The concept of a functionally unified system of public and parliamentary control is proposed, based on the coordination of subjects of control, the normative consistency of their competence and the institutionalized participation of civil society institutions in parliamentary control procedures. Proposals have been formulated to improve legislation and law enforcement practice aimed at strengthening the real anti-corruption potential of public and parliamentary control.

Keywords: *corruption, anti-corruption, public control, parliamentary control, civil society, parliamentary investigation, anti-corruption policy.*

Коррупция в современной России воспринимается как одна из ключевых угроз устойчивому развитию государства и общества. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» закрепляет систему принципов и мер противодействия коррупции, включая профилактику, выявление и пресечение коррупционных правонарушений, а также минимизацию их последствий. Существенное место среди «основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции» занимает развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением соответствующего законодательства, а также создание механизма взаимодействия государственных органов с общественными и парламентскими комиссиями по вопросам противодействия коррупции.

Тем не менее, несмотря на закрепление общественного и парламентского контроля в качестве самостоятельных направлений антикоррупционной политики, вопрос об их реальном взаимодействии, разграничении и одновременной координации остается дискуссионным. В научной литературе общественный контроль в антикоррупционной сфере рассматривается в разных ракурсах: как форма участия гражданского общества в управлении, как механизм профилактики коррупционных практик в органах публичной власти, как инструмент мониторинга реализации антикоррупционных программ и так далее. Аналогичным образом парламентский контроль анализируется как самостоятельный конституционно-правовой институт, направленный на обеспечение баланса властей и демократическую легитимность публичной власти, но при этом обладающий существенным антикоррупционным потенциалом.

Цель настоящего исследования — раскрыть содержание и соотношение общественного и парламентского контроля в контексте противодействия коррупции, выявить основные проблемы их функционирования и предложить направления формирования интегрированной системы общественно-парламентского контроля. Для достижения поставленной цели анализируются:

- теоретико-правовые подходы к пониманию общественного и парламентского контроля как антикоррупционных инструментов;
- формы и механизмы осуществления общественного контроля в сфере противодействия коррупции;

- антикоррупционный потенциал парламентского контроля и парламентского расследования;
- институциональные и нормативные проблемы взаимодействия парламентского и общественного контроля;
- возможные направления совершенствования правового регулирования и практики.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный и институциональный подходы. Обобщаются и критически сопоставляются выводы, содержащиеся в работах А.А. Плотникова [1, с. 105–111], П.А. Кабанова [2, с. 178–185], А.О. Далгатовой [3, с. 29–32], Э.И. Макарова [4, с. 49–60], С.А. Роганова и Т.Л. Рогановой [5, с. 92–101], М.А. Желудкова [6, с. 146–154], Д.М. Фарахиева [7, с. 18–21], И.В. Холикова и А.И. Холиковой [8, с. 551–557], А.С. Злобиной и И.Д. Колмаковой [9, с. 5–9], П.А. Скобликова [10, с. 70–78], Ю.В. Плюты [11, с. 41–46], А.Г. Азановой и Т.М. Хутова [12, с. 38–40].

Нормативное закрепление принципа публичности и открытости деятельности государственных органов, а также развития институтов общественного и парламентского контроля, отражает понимание коррупции как явления, корнящегося не только в несовершенстве правовых механизмов, но и в дисбалансе властных отношений, закрытости принятия решений, дефиците гражданского участия.

Если традиционно борьба с коррупцией ассоциировалась преимущественно с деятельностью правоохранительных органов, то современная доктрина и законодательство демонстрируют смещение акцента в сторону профилактики, мониторинга и общественной оценки деятельности органов публичной власти [1; 2; 4; 6]. В результате объектом контроля становятся не только отдельные коррупционные правонарушения, но и условия, их порождающие: непрозрачные процедуры, конфликт интересов, избыточное усмотрение должностных лиц, закрытость бюджетных решений и тому подобное.

В этом контексте общественный и парламентский контроль образуют *два уровня* демократического наблюдения за властью. *Парламентский контроль*, будучи институционализирован в системе разделения властей, реализует конституционную функцию представительного органа по контролю за исполнительной властью, в том числе в части исполнения антикоррупционного законодательства [8–11]. *Общественный контроль*, напротив, связан с самоорганизацией гражданского общества и направлен на независимую оценку публичной власти «снаружи» [1–7]. Их объединяет ориентация на публичность, гласность и участие граждан в делах государства.

Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» закрепляет общественный контроль как деятельность субъектов общественного контроля, направленную на наблюдение, проверку и оценку деятельности органов государственной

власти, органов местного самоуправления и иных субъектов, а также на подготовку предложений по ее совершенствованию.

Специфика общественного контроля в антикоррупционной сфере состоит в том, что он нацелен не на дублирование деятельности правоохранительных и контрольных органов, а на формирование «второго контура» наблюдения, ориентированного на общественную оценку и публичное давление. В научной литературе подчеркивается, что общественный контроль обладает самостоятельным антикоррупционным потенциалом, проявляющимся в способности:

- выявлять и обнародовать коррупционные практики;
- следить за исполнением антикоррупционных программ и национальных планов;
- формировать запрос общества на добросовестное поведение должностных лиц;
- инициировать корректировку нормативных актов и управленческих решений [1–3; 5–7].

В работах А.А. Плотникова общественный контроль прямо соотносится с задачей формирования институционального механизма противодействия коррупции, в котором активность общества выступает не дополнением к государственным мерам, а необходимым условием их эффективности [1]. П.А. Кабанов акцентирует внимание на том, что общественный контроль в сфере противодействия коррупции следует рассматривать как самостоятельную научную категорию, объединяющую нормативный, организационный и ценностный аспекты антикоррупционной деятельности [2]. А.О. Далгатова и Э.И. Макаров развивают идею общественного контроля как института гражданского общества, позволяющего выстраивать горизонтальные связи между гражданами, общественными объединениями и органами власти [3; 4].

Общими для указанных подходов являются принципы: приоритета прав и законных интересов граждан, гласности и доступности информации, независимости субъектов общественного контроля от органов публичной власти, а также их ориентации на профилактику коррупции, а не только реакцию на завершённые правонарушения [1–4; 6].

Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле» закрепляет цели парламентского контроля, среди которых важнейшее значение имеет обеспечение исполнения законов, в том числе законов о противодействии коррупции, а также оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти.

В научной доктрине парламентский контроль трактуется как:

- форма реализации конституционного принципа разделения властей;
- средство обеспечения подотчетности правительства парламенту;
- механизм выявления и предупреждения злоупотреблений властью, в том числе коррупционного характера [8–11].

Ю.В. Плюта показывает, что правовое регулирование парламентского контроля эволюционирует от фрагментарных норм, закрепленных в регламентах палат, к системному федеральному закону, определяющему круг субъектов, принципы и формы контроля [11]. А.С. Злобина и И.Д. Колмакова анализируют современное состояние парламентского контроля и подчеркивают, что одной из его частных целей является противодействие коррупции, в том числе через парламентские запросы, заслушивание членов правительства, контроль за бюджетной сферой [9]. П.А. Скобликов рассматривает парламентский контроль как инструмент оптимизации борьбы с организованной преступностью и коррупцией, обращая внимание на его потенциал в части выявления системных дефектов законодательства и практики его применения [10].

Особое место в антикоррупционном потенциале парламентского контроля занимает институт парламентского расследования. И.В. Холиков и А.И. Холикова трактуют парламентское расследование как специфический инструмент парламентского контроля, направленный на установление обстоятельств коррупционных и иных злоупотреблений, обладающий как правовым, так и политическим измерением [8]. В отличие от правоохранительного расследования, парламентское расследование призвано выявить не только состав конкретного преступления, но и институциональные причины коррупции, пробелы и противоречия в правовом регулировании, управленческие решения, создающие условия для злоупотреблений.

Субъектами общественного контроля в сфере противодействия коррупции выступают: общественные палаты и советы, общественные организации, инициативные группы граждан, экспертные сообщества, средства массовой информации и иные институты гражданского общества. В работах Э.И. Макарова и М.А. Желудкова подчеркивается, что именно разнообразие субъектов и их относительная независимость от органов власти придают общественному контролю антикоррупционную эффективность [4; 6].

Наиболее распространенными формами общественного контроля в антикоррупционной сфере являются:

- общественная экспертиза нормативных правовых актов и проектов актов;
- общественный мониторинг реализации антикоррупционных программ и национальных планов;
- общественные обсуждения и слушания по вопросам антикоррупционной политики;
- общественные проверки работы органов власти, в том числе в форме «народного мониторинга»;
- обращение в органы прокуратуры, следственные органы и иные компетентные органы с информацией о коррупционных проявлениях;
- антикоррупционная журналистика и расследования, проводимые средствами массовой информации [1–7].

Д.М. Фарахиев справедливо связывает общественный контроль с системой мониторинга, подчеркивая значение накопления и анализа информации о коррупционных рисках, восприятию коррупции, результатах антикоррупционных мероприятий [7]. В его подходе общественный контроль выступает как «сенсорная система» антикоррупционной политики, позволяющая фиксировать сбои и деформации на ранних стадиях.

Работы С.А. Роганова и Т.Л. Рогановой фокусируются на содержании общественного контроля в сфере противодействия коррупции, предлагая рассматривать его не только как «контроль по факту», но и как участие общественности в формировании и корректировке нормативных и организационных основ антикоррупционной политики [5]. М.А. Желудков, анализируя проблемы и перспективы общественного контроля, указывает на недостаточную институционализацию участия общественных структур в экспертно-аналитической работе по оценке эффективности антикоррупционных мер [6].

* * *

Несмотря на нормативное закрепление общественного контроля и активное развитие его форм, исследователи отмечают ряд ограничений, снижающих его реальную антикоррупционную эффективность.

В практике функционирования отдельных общественных советов и комиссий, создаваемых при органах власти, прослеживается кадровая и финансовая аффилированность с соответствующими ведомствами, что объективно ограничивает потенциал их независимого анализа и критической оценки.

Информационные ограничения общественного контроля: формальное выполнение требований по размещению информации на официальных ресурсах не всегда сопровождается обеспечением ее полноты, актуальности и детализации, необходимых для проведения содержательной общественной экспертизы и мониторинга.

Недостаток механизмов учета результатов общественного контроля: даже при качественно проведенной общественной экспертизе или мониторинге предложения общественных структур нередко носят рекомендательный характер и не влекут юридически значимых последствий для органов власти.

Обобщая эти наблюдения, можно констатировать, что общественный контроль обладает высоким антикоррупционным ресурсом, но его реализация зависит от степени реальной независимости общественных структур, процедурности доступа к информации и институционализации реакции органов власти на результаты общественного контроля.

Парламентский контроль осуществляют палаты Федерального Собрания, их комитеты и комиссии, а также законодательные представительные органы субъектов Российской Федерации. Федеральный закон «О парламентском контроле» закрепляет перечень форм, среди которых: заслушивание отчетов членов Правительства и иных должностных лиц, парламентские запросы,

парламентские расследования, парламентский контроль в бюджетной сфере и другие.

А.С. Злобина и И.Д. Колмакова выделяют в числе задач парламентского контроля обеспечение законности и эффективности деятельности органов исполнительной власти, в том числе в части реализации антикоррупционной политики [9]. В их работах подчеркивается, что парламентский контроль предполагает не только реагирование на уже выявленные нарушения, но и оценку системных рисков, связанных с содержанием законодательства, структурой полномочий органов власти, распределением бюджетных средств.

П.А. Скобликов рассматривает вклад парламентского контроля в борьбу с организованной преступностью и коррупцией через призму оценки качества законодательства и практики его применения [10]. В логике данного подхода парламентский контроль должен выявлять не только отдельные факты коррупции, но и «коррупциогенные» элементы правового регулирования: неопределенные формулировки, избыточные полномочия, пробелы, порождающие возможности для злоупотреблений.

И.В. Холиков и А.И. Холикова, анализируя институт парламентского расследования, подчеркивают его особую роль в раскрытии сложных коррупционных схем и злоупотреблений властью [8]. Парламентское расследование позволяет:

- дать публичную политико-правовую оценку действиям должностных лиц;
- выявить структурные дефекты в системе управления;
- инициировать внесение изменений в законодательство и организационные структуры.

При этом с антикоррупционной точки зрения эффективность парламентского расследования во многом зависит от участия в нём экспертов и представителей гражданского общества, а также от степени гласности и открытости процедур.

Исследователи обращают внимание на ряд факторов, ограничивающих антикоррупционный потенциал парламентского контроля. Во-первых, парламентские структуры не обладают полномочиями правоохранительных органов — их выводы, как правило, носят политико-правовой, а не процессуальный характер и требуют дальнейшей реализации компетентными органами [8–11].

Во-вторых, само по себе наличие широкого перечня форм парламентского контроля не гарантирует их реального использования. А.С. Злобина и И.Д. Колмакова отмечают, что часть инструментов остается слабо востребованной на практике, а проводимые мероприятия нередко приобретают ритуальный характер [9].

Эти ограничения, однако, не отменяют антикоррупционный потенциал парламентского контроля, а лишь подчеркивают необходимость его усиления через развитие процедур публичности, расширение участия экспертов и представителей гражданского общества, а также повышение ответственности должностных лиц за игнорирование выводов парламентских структур.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» прямо закрепляет развитие институтов общественного и парламентского контроля и создание механизма взаимодействия государственных органов с общественными и парламентскими комиссиями по вопросам противодействия коррупции в числе основных направлений антикоррупционной деятельности государства.

Таким образом, на нормативном уровне общественный и парламентский контроль уже рассматриваются не изолированно, а как взаимосвязанные компоненты антикоррупционной политики. В то же время специальные законы «О парламентском контроле» и «Об основах общественного контроля» развиваются во многом автономно, уделяя существенно больше внимания внутренней организации соответствующих институтов, нежели процедурам их взаимодействия.

А.Г. Азанова и Т.М. Хутов, анализируя противодействие коррупции как первоначальную задачу государства, подчеркивают необходимость комплексного подхода, предполагающего не только совершенствование уголовно-правовых и административных мер, но и развитие общественного и парламентского контроля как взаимодополняющих механизмов [12]. В работах М.А. Желудкова и Д.М. Фарахиева обращается внимание на то, что без институциональной поддержки и учета результатов общественного контроля со стороны органов власти его потенциал остается нереализованным [6; 7].

В свою очередь, исследования парламентского контроля Ю.В. Плюты, П.А. Скобликова, А.С. Злобиной и И.Д. Колмаковой показывают, что парламентский контроль может существенно выиграть от привлечения независимых экспертов и представителей общественности, в том числе на стадии подготовки и проведения парламентских расследований и слушаний, анализа отчетов правительства [9–11].

Таким образом, нормативные предпосылки для интеграции общественного и парламентского контроля уже имеются, но их реализация требует конкретизации форм и процедур взаимодействия.

Выделим ключевые проблемы, препятствующие превращению общественного и парламентского контроля в единую, взаимодополняющую систему антикоррупционного контроля.

Во-первых, *фрагментарность правового регулирования*. Закон «О парламентском контроле» и закон «Об основах общественного контроля» практически не содержат детальных норм, описывающих совместные процедуры, права и обязанности субъектов контроля при взаимодействии. В результате вопросы участия общественных структур в парламентском контроле решаются точно, через решения палат, комитетов, регламентов, а в субъектах Федерации — через региональное законодательство, отличающееся по уровню детализации [9; 11; 12].

Во-вторых, *разрыв между экспертным потенциалом общественных структур и потребностями парламентского контроля*. В работах, посвященных общественному контролю, подчеркивается наличие значительного

экспертного ресурса в университетах, научных центрах, неправительственных организациях, готовых участвовать в независимой оценке антикоррупционной политики [4; 5; 6]. Однако механизм включения этих структур в постоянную работу парламентских комитетов и комиссий остается недостаточно формализованным.

В-третьих, *отсутствие единых стандартов публичной отчетности*. Без прозрачных и сопоставимых стандартов представления информации о результатах парламентского и общественного контроля сложно обеспечить их взаимную дополненность и сопоставимость, а также организовать комплексный мониторинг эффективности антикоррупционной политики [7; 9].

Исходя из выявленных проблем, представляется перспективной концепция функционально единой системы общественно-парламентского контроля в сфере противодействия коррупции, основывающейся на следующих положениях:

общественный и парламентский контроль — не конкурирующие, а взаимодополняющие уровни антикоррупционного контроля; парламентский контроль обладает институциональной и правовой силой, общественный — гибкостью, близостью к запросам граждан, готовностью работать с конкретными случаями и повседневными практиками;

информация общественного контроля должна становиться «входом» для парламентского контроля; обращения общественных организаций, результаты общественных экспертиз и мониторинга могут служить основанием для парламентских запросов, слушаний и расследований; соответствующие процедуры должны быть четко прописаны в регламентах палат и комитетов;

парламентский контроль должен обеспечивать обратную связь для общественных структур; результаты парламентских расследований и слушаний должны публиковаться в форме, удобной для общественного анализа, а парламентские структуры — информировать общественные организации о том, как использованы их предложения.

Институционализация форм контроля. Наибольший антикоррупционный эффект способны дать совместные комиссии и рабочие группы с участием парламентариев и представителей общественных структур, прежде всего при проведении парламентских расследований, рассмотрении наиболее значимых антикоррупционных законопроектов, контроле за реализацией национальных антикоррупционных планов.

Такая модель предполагает, что общественный контроль становится не внешним наблюдателем за парламентом и правительством, а партнером парламента в осуществлении его контрольных полномочий.

* * *

Исходя из проведенного анализа, можно предложить ряд направлений совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики.

Во-первых, представляется необходимым *системное сближение законов* «О парламентском контроле», «Об основах общественного контроля» и «О противодействии коррупции». Это может быть реализовано через:

- включение в закон «О парламентском контроле» отдельной главы, посвященной участию институтов гражданского общества в осуществлении парламентского контроля правового статуса общественных экспертов, порядка их приглашения и участия в слушаниях, расследованиях, работе комитетов, гарантиям независимости;

- конкретизацию в законе «Об основах общественного контроля» процедур взаимодействия субъектов общественного контроля с парламентскими комитетами и комиссиями по вопросам противодействия коррупции;

- прямое указание в законе «О противодействии коррупции» на необходимость регулярного учета парламентом результатов общественного контроля при оценке эффективности антикоррупционной политики.

Такой подход согласуется с выводами исследователей, подчеркивающих необходимость гармонизации правового регулирования в рассматриваемой сфере [2; 4; 6; 9; 12].

Во-вторых, целесообразно *развитие постоянных общественно-парламентских структур, ориентированных на антикоррупционный контроль*. Речь может идти о:

- создании при парламентских комитетах по безопасности, государственному строительству и конституционному законодательству общественных экспертных советов с устойчивым составом и понятными процедурами формирования;

- обязательном включении представителей общественных палат, профильных общественных организаций и научного сообщества в состав временных комиссий по проведению парламентских расследований по коррупционной тематике;

- разработке типовых положений о совместных общественно-парламентских комиссиях в субъектах Федерации с возможностью адаптации к региональной специфике.

Подобные решения позволят преодолеть ситуативность привлечения общественных экспертов и превратить их участие в парламентском контроле в устойчивый институт, что в своих работах косвенно поддерживают как исследователи общественного контроля [3–7], так и авторы, анализирующие парламентский контроль [8–11].

В-третьих, важную роль может сыграть *развитие цифровых инструментов, обеспечивающих прозрачность парламентского и общественного контроля и вовлечение граждан в антикоррупционные процедуры*:

- единые электронные платформы для размещения отчетов о парламентских проверках, расследованиях и слушаниях;

- возможности подачи обращений и предложений по антикоррупционной тематике в комитеты и комиссии парламента с последующим отслеживанием статуса их рассмотрения;

– открытые базы данных результатов общественного мониторинга и общественных экспертиз антикоррупционных актов и программ, доступные парламенту и всему обществу.

Д.М. Фарахиев, подчеркивая значение мониторинга в процессе противодействия коррупции, фактически указывает на перспективность таких цифровых решений [7]. Интеграция информационных потоков общественного и парламентского контроля в единую цифровую среду позволит выявлять системные проблемы, сопоставлять выводы разных субъектов контроля, отслеживать динамику исполнения рекомендаций.

Наконец, *эффективная система общественно-парламентского контроля невозможна без механизма ответственности за игнорирование его результатов*. В частности, возможно:

– закрепление в регламентах палат и парламентских комитетов обязательности рассмотрения результатов общественных экспертиз, подготовленных по установленной процедуре, и предоставления мотивированного ответа;

– введение в закон «О парламентском контроле» нормы, обязывающей органы исполнительной власти в установленный срок предоставлять информацию о мерах, принятых по результатам парламентских расследований и слушаний;

– развитие практики парламентских и общественных «рейтингов прозрачности» органов власти и должностных лиц в части реагирования на рекомендации субъектов контроля.

Такие меры согласуются с общей тенденцией, на которую указывают исследователи антикоррупционной политики: без реальной, в том числе политической ответственности за игнорирование сигналов и рекомендаций институтов контроля, любые контрольные механизмы обречены на формализацию [6; 9; 10; 12].

Заключение

Общественный и парламентский контроль в Российской Федерации обладают значительным, во многом еще не реализованным антикоррупционным потенциалом. Общественный контроль, опирающийся на инициативу граждан и институты гражданского общества, способен выявлять коррупционные практики на местах, фиксировать восприятие коррупции населением, инициировать корректировку антикоррупционной политики [1–7]. Парламентский контроль, будучи конституционно закрепленным и обладая широким спектром форм — от парламентских запросов до парламентских расследований, имеет возможность влиять на содержание законодательства, организацию системы органов власти и направление государственной политики в целом [8–11].

Однако в действующей модели эти два вида контроля нередко развиваются параллельно, а не во взаимосвязи. Общественный контроль сталкивается с ограниченным доступом к информации, формализацией и недостаточным учетом его результатов, а парламентский контроль — с политическими и институциональными ограничениями, влияющими на выбор объектов и глубину проводимых проверок.

Выход из этой ситуации видится в формировании функционально единой системы общественно-парламентского контроля, предполагающей гармонизацию законодательства, институционализацию совместных структур и процедур, развитие цифровых инструментов прозрачности и участия, усиление ответственности за игнорирование результатов контроля.

Реализация такой модели соответствует как требованиям федерального законодательства о противодействии коррупции, прямо ориентирующего государство на развитие общественного и парламентского контроля и механизмов их взаимодействия, так и выводам отечественных исследователей, рассматривающих эти институты как ключевые элементы демократического антикоррупционного механизма [1–12]. Формирование целостной системы общественно-парламентского контроля способно придать антикоррупционной политике России более устойчивый и результативный характер, укрепить доверие граждан к государству и повысить реальную защищенность их прав от коррупционных злоупотреблений.

Список литературы

1. Плотников А.А. Общественный контроль и его потенциал в противодействии коррупции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2. EDN: QBVAKB.
2. Кабанов П.А. Общественный контроль в сфере противодействия коррупции: научная категория и ее содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 3. EDN: SMHGZV.
3. Далгатова А.О. Общественный контроль как механизм противодействия коррупции в органах публичной власти // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 5(72). EDN: VIDLVP.
4. Макаров Э.И. Общественный контроль как институт гражданского общества: направления совершенствования противодействия коррупции // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2015. № 1. EDN: TNJRNХ.
5. Роганов С.А., Роганова Т.Л. Общественный контроль в сфере противодействия коррупции // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 1(67). DOI: 10.35231/18136230_2022_1_92 EDN: QFRWVF.
6. Желудков М.А., Алексеева А.П. Общественный контроль в деятельности по противодействию коррупции в России: проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2(102). DOI: 10.35750/2071-8284-2024-2-146-154 EDN: TQZNVB.
7. Фарахiev Д.М. Общественный контроль и мониторинг в процессе противодействия коррупции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29. № 1(88). DOI: 10.24412/1999-625X-2023-188-18-21. EDN: QOHJBK.
8. Холиков И.В., Холикова А.И. Парламентское расследование как инструмент противодействия коррупции и злоупотребления власти // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4(28). DOI: 10.20310/2587-9340-2023-7-4-551-557 EDN: UJLERS.

9. Злобина А.С., Колмакова И.Д. Парламентский контроль в Российской Федерации // Общество, экономика, управление. 2021. Т. 6. № 2. DOI: 10.47475/2618-9852-2021-16201 EDN: EFOOQR.
10. Скобликов П.А. Оптимизация борьбы с организованной преступностью и коррупцией посредством парламентского контроля // Журнал российского права. 2015. № 12(228). DOI: 10.12737/16631 EDN: VHEOKN.
11. Плюта Ю.В. К вопросу о правовом регулировании парламентского контроля в России // Современная наука. 2011. № 3. EDN: OJMDDD.
12. Азанова А.Г., Хутов Т.М. Противодействие коррупции как первоначальная задача государства // Научный журнал. 2017. № 7(20). EDN: YZIIPIJ.

References

1. Plotnikov AA. Public Control and its Potential in Resistance Against Corruption. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series «Humanitarian and Social Sciences»*. 2013;(2). (In Russ.). EDN: QBVAKB.
2. Kabanov PA. Public control in the sphere of corruption counteraction: scientific category and its content. *Russian Journal of Economics and Law*. 2014;(3). (In Russ.). EDN: SMHGZV.
3. Dalgatova AO. Public Control as a Mechanism to Counter Corruption in Public Authorities. *Yurist-Pravoved*. 2015;(5). (In Russ.). EDN: VIDLVP.
4. Makarov EI. Public Control as Institute of Civil Society: Directions of Improvement of Counteraction of Corruption. *Vestnik of Rostov State University of Economics*. 2015;(1). (In Russ.). EDN: TNJRNX.
5. Roganov SA., Roganova TL. Public Control in the Field of Combating Corruption. *Leningrad Legal Journal*. 2022;(1). (In Russ.). DOI: 10.35231/18136230_2022_1_92 EDN: QFRWVF.
6. Zheludkov M., Alekseeva A. Public Control in Anti-Corruption Activities in Russia: Problems and Prospects. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(2). (In Russ.). DOI: 10.35750/2071-8284-2024-2-146-154 EDN: TQZJNB.
7. Farakhiev DM. Social Control and Monitoring in the Process of Counteracting Corruption. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2023;29(1). (In Russ.). DOI: 10.24412/1999-625X-2023-188-18-21 EDN: QOHJBK.
8. Kholikov IV., Kholikova AI. Parliamentary Investigation as a Tool of Counter Corruption and Power Abuse. *Current Issues of the State and Law*. 2023;7(4). (In Russ.). DOI: 10.20310/2587-9340-2023-7-4-551-557 EDN: UJLERS.
9. Zlobina AS., Kolmakova ID. Parliamentary Control in the Russian Federation. *Society, Economy, Management*. 2021;6(2). (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-9852-2021-16201 EDN: EFOOQR.
10. Skoblikov PA. Optimization of Fighting Organized Crime and Corruption Through Parliamentary Control. *Journal of Russian Law*. 2015;12(128). (In Russ.). DOI: 10.12737/16631 EDN: VHEOKN.
11. Plyuta YV. To a Question on Legal Regulation of Parliamentary Control in Russia. *Sovremennaya nauka*. 2011;(3). (In Russ.). EDN: OJMDDD.
12. Azanova AG., Khutov TM. Protivodeistvie korruptsii kak pervonachal'naya zadacha gosudarstva. *Nauchnyi zhurnal*. 2017;(7). (In Russ.). EDN: YZIIPIJ.